

18+

Михаил Свердлов

На замёрзшем стекле
прогвину и кружок...

Михаил Сверлов

**На замёрзшем стекле продышу
я кружок... Поэтическая повесть**

«Издательские решения»

Сверлов М.

На замёрзшем стекле продышу я кружок... Поэтическая повесть /
М. Сверлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554044-7

Повесть о судьбе Людмилы Аркадьевны Сверловой (Макеевой), участницы Великой Отечественной войны и освоения Чукотки. Повествование о короткой, но яркой жизни Людмилы Аркадьевны переплетается с её собственными стихами, приоткрывающими завесу в её внутренний мир с его глубокими раздумьями, переживаниями и богатым воображением.

ISBN 978-5-00-554044-7

© Сверлов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая.	7
Глава вторая.	11
Первая любовь	11
На фронт!	13
Случай на фронте	15
Демобилизация	20
Глава третья.	22
Переезд	22
Адаптация	23
Вещунья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

На замёрзшем стекле продышу я кружок...

Поэтическая повесть

Михаил Сверлов

Редактор Е. М. Сверлова

Художник В. А. Борисова

© Михаил Сверлов, 2021

ISBN 978-5-0055-4044-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Людмила Аркадьевна Сверлова (Макеева)
1921 – 1976 год

К столетию моей мамы

#####

#####

###

#####

Мама – самый родной и близкий человек.
Она своею любовью оберегает твою жизнь,
даже уйдя в мир иной.
– Автор

Глава первая. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

#

Лида была четвёртым ребёнком, родившимся в 1898 году в большой семье Алексея Ивановича Скоровского. Его предки ещё во времена царствования Петра I перебрались из Польши в Россию. Жена, в девичестве Екатерина Александровна Петровская, мама Лидуси, как они называли дочку, подарила ему шестерых детей, причём среди них был только один сын – Борис.

Отец работал на Московской железной дороге. Жили скромно. Снимали в Новогиреево – пригороде Москвы, в татарской слободе дом у хозяина Гуслова, который построил пять однотипных домов. В одном из них жила семья хозяина, а четыре он сдавал.

Старшая сестра Антонина вышла замуж за Григория Ефремова, отец которого был главным садовником в усадьбе графа Шереметьева в Кусково. Их дом находился в том же Новогиреево, но отличался от других домов тем, что был окружён разнообразными необычно красивыми цветами.

Лида с ранних лет любила музыку, была скромной, прилежной ученицей в лицее, где изучала нотную грамоту и прилично пела с нотного листа. В дальнейшем она много пела в церкви, на клиросе¹, и даже исполняла сольные партии в церковных песнопениях.

Работать начала в 1915 году телефонисткой в Московской гидроэлектростанции (МОГЭСе) вместе с революционно настроенными руководителями Смидовичем и Глебом Максимилиановичем Кржижановским, будущим «отцом» ГОЭЛРО.²

В 1919 году она познакомилась с Аркадием Макеевым в певческом хоре храма святителя Николая Чудотворца в Хамовниках. Он – новый регент,³ она – телефонистка МОГЭСа. У них не было ничего общего, кроме любви к музыке. Он был старше её на двадцать пять лет, но она влюбилась в него со всей пылкостью своей юной души. Он и впрямь был отличным музыкантом и помимо руководства церковным хором, в более поздние годы преподавал в музыкальном училище имени Гнесиных. В его церковном хоре пели большие артисты из московских театров, включая и Большой театр. Всё это не могло не покориť юную Лиду, и она в 1920 году вышла за него замуж. А он ради неё оставил свою первую семью, где у него было двое детей.

Однажды прямо у входа в церковь она встретила бывшую жену Аркадия. Та ждала её. Лида подумала, что будет серьёзный и неприятный разговор, но, к её удивлению, Анастасия стала горячо благодарить её за то, что Лидия избавила её «от этого деспота», как она назвала Макеева. И только спустя некоторое время Лида поняла, что имела ввиду первая жена её супруга. Аркадий Семёнович страдал сильными запоями. Женившись на Лидии, он надеялся, что новая любовь уберёт его от этой пагубной страсти. И, действительно, первые три года совместной жизни он справлялся с этим недугом.

14 июня 1921 года у них родилась дочка, которую они назвали Люсей. Воспитанием племянницы занялась сестра Лиды – Валентина, которую Люся с ранних лет называла «бабой Авасей». Лидия прохладно относилась к появившейся на свет дочке, тем более что стали вновь проявляться нелучшие наклонности мужа. Он снова начал пить. Иногда дело доходило и до рукоприкладства, поэтому дочери лучше было оставаться у бабы Аваси.

¹ Клирос – в православной церкви место, на котором во время богослужения находятся певчие и чтецы.

² ГОЭЛРО – Государственный план электрификации Советской России после Октябрьской революции 1917 года. Разработан Государственной комиссией по электрификации России по заданию и под руководством В. И. Ленина.

³ Регент – руководитель церковного хора.

Но отец по-своему любил дочь и охотно занимался её музыкальным воспитанием. Он сразу заметил её тягу к пению и с раннего детства стал ставить ей голос и обучать её нотной грамоте. Правда, это обучение было жестоким: за любую ошибку в изучении нот, неправильно спетую музыкальную фразу он тут же ставил дочь на колени в угол на рассыпанный сухой горох. Иногда это сопровождалось и ударами скрипичного смычка.

Семья жила в Москве на улице Осипенко, и для Люси самыми любимыми были месяцы каникул, когда она уезжала в Новогиреево к бабе Авасе. Там она была окружена вниманием и любовью. Со своими подружками, а лучшей среди них была соседская девочка Нюра, они бегали в расположенный рядом с посёлком лесной массив, называемый парк Гай. Там рядом с Шереметьевскими прудами был деревенский пруд. Какое наслаждение было в жаркий летний денёк с разбегу прыгнуть в его прохладную воду и плавать, плавать, плавать. Только было одно неудобство: в пруду водились пиявки. Но кто из девчонок обращал на них внимание? Ну, присосётся одна-две, так подружки оторвут их от кожи и продолжают плескаться в воде. Зато как здорово после купания полежать на берегу, поиграть в карты, обсудить прочитанную книгу! А читала Люся много и всё подряд, чему способствовала хорошая библиотека тётки. Тогда же она стала пробовать себя в стихосложении. Правда она об этом никому не говорила, даже своим ближайшим подругам.

Спящий пруд

*##### В бывшем поместье барском,
(Недавно было то дело)
У пруда, заросшего ряской
На берегу я сидела.
Когда-то в далёкое время
По чистой, зеркальной заводи
Как сказочные виденья
Лебеди гордые плавали.
И белых лилий уснувших
В воде отраженье струилось...
Но за тридцать лет минувших
Многое здесь изменилось.
И тина дно покрывала,
Стало и мерзко и вязко,
И заводи чистой не стало,
И пруд затянула ряска.
Четыре берёзы-подружки
Над прудом погибшим плакали,
И только одни лягушки
Под вечер весело квакали.
Берёзкам бы раскачаться,
На помощь позвать кого-то,
Но пруд не хотел просыпаться
И превращался в болото.
Печально над прудом было,
И я небеса попросила,
Чтоб буря невиданной силы
Уснувший тот пруд разбудила.
Чтоб ряски зелёной не стало,*

Чтоб было песчаное дно,
И чтобы вода засверкала,
Как вымытое стекло.
#####

Озеро

Под голубыми небесами
Средь пышной лета красоты,
Сверкая чистыми струями
Блестало озеро в тиши.
Красиво озеро то было
И, презирая целый свет,
Оно спесиво заявило:
«По красоте мне равных нет!»
Слова те солнце услышало
И, чуть нахмурившись, сказала:
«Да, это правда, ты прекрасно,
Но в чём заслуга здесь твоя?
Ведь платье нежного атласа
Надела на тебя трава.
И ожерельем драгоценным
В алмазных россытях росы
Соцветьем необыкновенным
Тебя украсили цветы.
Тебя мехами дорогими
Окутал старый добрый лес,
А воды стали голубыми,
Лишь отражая свод небес». #####
#####

Утро

Вдали светлеют небеса,
Погасли сонмы ярких звёзд,
И славят птичьи голоса
Розовощёкую Эос.

Густые травы и кусты
Покрыла блёстками роса,
И пробуждённые цветы
Раскрыли венчики-глаза.

Смотрю на солнечный восход
И утреннюю песнь пою,
А Родина моя встает
Навстречу радостному дню!

Но однажды она чуть не утонула вместе со своей подружкой Нюркой. Спасла их немецкая овчарка подруги. Это была крупная собака по имени Джульбарс. Щенком он был выбракован из помёта в находившейся в парке Гай кинологической школе НКВД. Инструкторы-собаководы с удовольствием раздавали таких щенят жителям Новогиреева. Достался щенок и отцу Нюрки. Собака оказалась умная, очень любила свою хозяйку и везде следовала за ней. Вот и в тот день она была вместе с девочками у деревенского пруда. Нюра с Люсей играли на глубине, обдавая себя брызгами, шуточно притапливали друг друга, сцепив пальцы рук. В какой-то момент Люся поняла, что её пальцы свела судорога, и она никак не могла отпустить пальцы Нюры. Это же поняла и подруга. Они запаниковали и, пытаясь освободиться друг от друга, стали барахтаться и топить сами себя. Уже захлёбываясь, Нюрка крикнула: «Джульбарс!» Собака тут же кинулась в воду. Она быстро подплыла к девочкам, уже теряющим сознание, поднырнула под их сцепленные руки и, вынырнув, головой разорвала этот зацеп. Девочки ухватились за шкуру собаки, и она выплыла с ними на мелководье. Они лежали у берега и никак не могли встать. А потом, не сговариваясь, стали целовать собачью морду. Та смущённо пыталась отвести её в сторону, но было видно, что она была очень довольна таким к себе вниманием. С тех пор Люся очень полюбила собак, что впоследствии передалось и её детям.

Учёба давалась Людмиле легко. Нет, она не была отличницей, но русский язык, литературу, историю и географию знала прекрасно, не говоря уже о музыке, где она была непревзойденным школьным авторитетом. У неё был великолепный, поставленный отцом голос, и поэтому никого не удивило, что после окончания школы в 1938 году Люся поступила на отделение камерного пения музыкального училища имени Гнесиных.

Глава вторая. ВОЙНА

Первая любовь

Однажды на танцах, после их новогоднего шефского выступления в одном из военных училищ, к Людмиле подошёл курсант и пригласил её на танец. Они познакомились и стали встречаться. Валентин Штумпф заканчивал училище в июле 1941 года. Это был высокий, русский парень с голубыми глазами и обаятельной улыбкой. Юноша был начитан, и Люсе было интересно с ним говорить на разные темы. Вскоре они поняли, что полюбили друг друга.

*##### Зачем твоя незваная
Любовь пришла ко мне?
И гостьей нежеланною
Примолкла в тишине.*

*##### О ней я и не думаю,
Она мне не нужна.
Но тяжестью угрюмою
Вошла ко мне она.*

*##### Такая неприметная,
Тоски полна,
Любовь та безответная,
Как ночь без сна.*

*##### Зачем судьбе понадобилось
Нас свести?
И на какую радость бы
Сплести пути?*

*##### Дороги были разными
До этих пор.
Терзаемся соблазнами
Себе в укор.*

*##### Глядишь ты, бесприветная,
Поднявши бровь.
Ну, где же ты ответная
Моя любовь?!*

*##### И хлынула ответная
Вдруг с жизненных круч
Горячая и светлая,
Как солнечный луч.*

Родители Валентина погибли при строительстве завода, когда обрушилась крыша, и он воспитывал своего младшего брата сам. Правда, брату было уже четырнадцать лет, и он был вполне самостоятельным ребёнком. Люся сразу же подружилась и с ним. Всё шло к свадьбе. Но наступило 22 июня, и в их жизни, как и в жизни всей страны, всё резко изменилось. Почти все выпускники военного училища были отправлены на Западный фронт в Белоруссию, и уже через две недели Валентина привезли в московский госпиталь с ранением в живот. Как врачи ни старались, но ничего сделать не смогли. Он умер практически на руках у Люси и брата.

На фронт!

После похорон Валентина его брата взяла к себе приехавшая из Архангельска тётка, а Люся решила уйти на фронт.

Она пришла в районный военкомат и попросила записать её в добровольцы.

– Дорогая моя, – сказал районный военный комиссар, – ты, давай-ка, учись в своём училище. Нам после войны хорошие артисты понадобятся. А фашистам мы и без твоей помощи хребет сломаем! – Но, увидев глаза расстроенной девушки, предложил, – Если хочешь поработать для фронта, то могу найти тебе работу.

Она согласно кивнула головой.

– Печатать можешь?

– Одним пальцем.

– Ничего! Сейчас направим тебя на курсы, а там, глядишь, и в «Правде» работать будешь! – Он засмеялся. Потом достал из стола какой-то листок с телефонными номерами, и, заглянув в него, набрал номер.

– Это Кукушкин из Фрунзенского военкомата. Вы там просили подсылать вам подходящие кандидатуры, так вот у меня такая кандидатура стоит в кабинете. Да! Да! Образование? – он посмотрел на Люсю.

– Среднее, – прошептала она.

– Среднее, да ещё и студентка. Подсылать? Добро! Фамилия! Как фамилия? – вновь посмотрел он на девушку.

– Макеева Люся.

– Макеева Людмила. Понял! Понял! Напишу! – Он положил трубку.

– Тааак, – протянул военком, – образование среднее, – повторил он. – Читать можем, писать – нег! Сейчас мы тебе соорудим направление.

Взяв листок бумаги и узнав её год рождения, быстро и размашисто написал: «Направление! Военный комиссариат Фрунзенского района г. Москвы направляет на курсы машинописи Макееву Людмилу, 1921 года рождения, члена ВЛКСМ, образование среднее, студентку Гнесинского музыкального училища». Затем расписался, поставил дату и, достав из кармана печать, поставил её на направлении.

– Давай «Русланова», двигай на Осипенко 13. Там обосновались твои курсы. Найдёшь?

– Так я же на Осипенко живу!

– Ну и молодец! Давай беги!

Найдя курсы, она отдала направление и уже со следующего дня приступила к учёбе. Занятия проходили целый день, и через месяц Люся успешно сдала экзамен, после чего была направлена в машинописный отдел газеты «Правда». Предвидение военкома сбылось.

По ночам они с подружками дежурили на крышах своих домов и тушили зажигательные бомбы, которые регулярно сбрасывались немецкими самолётами.

В декабре сорок первого года Людмилу призвали в армию и направили в отдельный батальон связи. Там её определили в специальный отдел: ей приходилось на машинах, мотоциклах и конных повозках развозить секретную документацию. Со временем она стала летать вдоль линии фронта и в тыл противника на маленьком самолётике «ПО-2», пилотом которого был лейтенант Буча Гоберидзе.

*##### Вползает сумрак дымом серым,
Шушит позёмка за стеной...
Как будто снова в сорок первом,
Как будто на передовой.*

Мы под Москвой тогда стояли,
За ночью ночь и день за днём.
Ракеты землю освещали
Зловещим мертвенным огнём.

Кругом гремело и стонало,
И танки шли на нас стеной,
По полю лихо смерть скакала,
А жизнь стояла за спиной.

Друзей погибших не забудем,
Их имена в сердцах храним...
Ах, дорогие мои люди,
Давайте встанем, помолчим!

Давайте выпьем за погибших
И песню тихую споём.
Давайте выпьем за мальчишек,
Что берегут сейчас мой дом.

Случай на фронте

Однажды в середине декабря им поручили срочно доставить секретный пакет на линию фронта – в дивизию, которая в полуокружении вела затяжные оборонительные бои. Их строго предупредили, что если будут сбиты, то следует немедленно уничтожить пакет, даже если это случится на нашей территории.

– Вам всё ясно, рядовая Макеева? – спросил начальник спецчасти.

– Так точно!

– А Вам, Гоберидзе?

– Так точно! – и добавил, – Нэ валнуйтэсь! Нэ в пэрвый раз!

– Это вы волнуйтесь! – резко перебил начальник спецчасти. – Карту получили? Вопросы есть?

– Ныкак нэт!

– И ещё. Я не пугаю, а предупреждаю: невыполнение задания – расстрел! В лучшем случае – трибунал. Уяснили?

– Так точно!

– Выполняйте!

Повернувшись кругом, они вышли из штабной землянки. Начиналась снежная позёмка, и в таких условиях лететь было очень трудно. Но приказ есть приказ!

Быстро переодевшись в тёплую одежду, а у неё это были ватные штаны, валенки, стёганая телогрейка, под которой был толстый свитер, и шапка-ушанка, Люська забралась на крыло самолёта и оттуда – в кабину за спиной пилота. Гоберидзе уже сидел на своём месте. Вокруг самолёта суетились механики. Подбежал метеоролог и сообщил, что по всей трассе ожидаются снежные, но краткосрочные заряды. Буча в ответ махнул рукой и крикнул: «Спасыбо!»

«Все в парядкэ?» – спросил пилот у механика, стоявшего у винта. Тот молча кивнул головой. «Ат вынта!» – последовала команда пилота. Механик рванул лопасть винта самолёта и отскочил в сторону. Мотор сразу же подхватил и заработал мощно и ровно. Гоберидзе показал механику поднятый вверх большой палец и потихоньку прибавил газ. Мотор натужно заревел, и самолёт сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее заскользил на лыжах в сторону взлётной полосы. Через минуту они были в воздухе.

В таком самолётике, где кабина пилота и пассажира открыта, при работающем двигателе говорить можно было только по переговорной трубе. Гоберидзе условным знаком показал, чтобы Люся наклонилась к ней.

– Лудмылка, – начал он, – мы сэчас палэтым вдоль замёрзшей рэки. Мынут чэрэз пятнацать будэт ызлучына, сматры вныматэлно. Ат нэё мы далжны палэтэтэ вправо до кромкы лэса ы дол нэго до дэрэвны. Ат дэрэвны апят вправо ы чэрэз восэмь мынут далжна быт лыныя фронта. Вдол нэё ыдэт разбамблёная жэлэзная дарога. Нам нэльзя прамахнуца. Кагда будэт наша дывызыя, то далжны увидэтэ жэлэзнадарожную станцыю ы бальшую ваданапорную башню. Слэды! Ясно?

Люся выпрямилась и увидела в зеркале, которое висело в кабине пилота, его лицо. Она закивала головой. Гоберидзе улыбнулся и подмигнул ей.

А внизу уже мела нешуточная метель. «Вот ведь напасть какая! – подумал Гоберидзе, внимательно наблюдая за тем, как на земле всё сильнее и сильнее размывались все ориентиры. – Тут не только излучину не увидишь, а вообще землю с небом потеряешь!»

Через пять минут на земле уже ничего не было видно. Он немного снизился и только по известному лётчикам да, наверно, следопытам чутью повернул вправо. В зеркале краем глаза он заметил, что Люся удивлённо и встревоженно смотрит на него. Он улыбнулся ей в ответ и показал большой палец. На лице Людмилы появилась улыбка.

Через пятнадцать минут он понял, что полностью потерял ориентиры и летит наугад. Но, на их счастье, сквозь пелену облаков стало пробиваться солнышко, и появились «окна», сквозь которые была видна земля.

Они летели над густым зимним лесом. Гоберидзе повернул влево, пытаясь отыскать кромку леса. Время шло, а лес не кончался. И вдруг они увидели деревню. Она стояла посреди леса. Буча сделал над ней круг, затем второй и, выбрав ровное место, пошёл на посадку.

Посадив самолёт и подкатив к крайнему дому, он остановился в метрах ста от него, не выключая двигателя.

– Луса! – закричал он в переговорную трубу, – давай сходы к дому, разузнай, как называется дэрэвня и далеко лы жэлэзная дарога!

– Хорошо!

Люся встала в кабине, затем выбралась на крыло самолёта рядом с пилотом.

– Нэ спэшы, но ы нэ таны врэмя, – прокричал он ей. – Эго у нас с тобой проста нэт!

Люся кивнула головой и, скользнув на край крыла, спрыгнула с него в снег. Она сразу же по пояс провалилась и, помогая себе руками, как бы поплыла в этой снежной пелене. Добравшись до крыльца дома, выбралась на него и постучала в дверь. Никто не ответил. Тогда она дёрнула дверь к себе. Дверь не открывалась. Толкнув её от себя, она почувствовала, что дверь поддалась. Навалившись плечом, она приоткрыла её и, проскользнув в образовавшуюся щель, оказалась на кухне.

– Хозяева дома? – позвала она. Никто не отвечал. «Такое впечатление, – подумала Люся, – что дома никого нет».

Пройдя в комнату, осмотрелась. Дом был пуст. Чертыхнувшись, она повернулась, чтобы выйти и, вдруг, не увидела, а как-то почувствовала, что из угла кухни на неё кто-то смотрит. Приглядевшись, она увидела, что там стоит собака. Вернее, то, что от собаки осталось. Это были сплошные рёбра и кости. Шерсти почти не было, и кожа висела стружьями. Она стояла и смотрела на неё, и изо рта капала слюна. У Люси от её вида и взгляда отнялись ноги. Это был взгляд не животного. Это был взгляд бешеного, готового на всё существа, лишь бы достать себе еду. Собака попыталось кинуться к ней, но не рассчитала сил и упала. Тогда она, извиваясь, поползла к Люсе. Та смотрела на неё в оцепенении. Затем, дико заорав, бросилась к выходу.

Выскочив на крыльцо, увидела, что Гоберидзе отчаянно машет ей рукой, тыча крагой⁴ куда-то за её спину. Обернувшись, Люся увидела, как от опушки леса по направлению к деревне идёт цепочка людей. «Ну вот, – облегчённо вздохнула она, – хоть будет у кого спросить». Она снова повернулась к самолёту и увидела, что Гоберидзе ожесточённо зовёт её к себе уже стоя на крыле самолёта. К тому же он что-то кричал. Люся снова посмотрела на него, потом на людей, бегущих к ним и, неожиданно, поняла: «Так это же немцы!»

Она соскочила с крыльца и, что было сил, начала пробиваться сквозь снег к самолёту. За спиной услышала выстрелы и увидела, как в хвосте самолёта появилось несколько дырочек. «Стреляют! – промелькнуло в голове. – Стреляют!»

Выбиваясь из сил, она прямо «подплыла» к самолёту. Буча уже сидел в кабине и ждал, когда напарница выберется на крыло. Ей удалось схватиться за скобу на крыле, но подтянуться она не могла, так как полностью выбилась из сил. «Буча! Буча! – кричала она, – Помогите!» Пилот оглянулся, увидев её беспомощное положение, ругнулся и выскочил на крыло. Он схватил её за пояс ватных штанов, одним рывком выдернул из снега и забросил в кабину пассажира. При этом она оказалась головой вниз, сильно ударившись о край сиденья. Спасла её шапка-ушанка, но на какое-то мгновение девушка потеряла сознание.

⁴ Краги – перчатки лётчика.

Забравшись в кабину, Гоберидзе резко дал газ, и самолёт, вздымая тучи снега, помчался прочь от деревни, бегущих и стреляющих по ним немцев, собаки, так и не использовавшей свой единственный шанс наестся до отвала, хотя бы человеческого, но мяса.

А Люська, придя в себя, боялась пошевелиться, чтобы не выпасть из этого самолётника. Ноги торчали из кабины, голова начинала гудеть от прилива крови, было трудно дышать.

Вдруг она почувствовала, что Буча тянет её за пояс. Тогда она осторожно высвободила одну руку и, упёрлась ею в сиденье. Это позволило повернуться на бок. Втянув в кабину ноги, она попыталась приподняться и высвободить вторую руку. И это ей, в конце концов, удалось сделать. Она села. Прямо на неё смотрел через зеркало Гоберидзе. Глазами он показал на переговорную трубку. Она наклонилась к ней.

– Ты что там, – зло начал Буча, – чай пыла чтолы?! Эщё пят минут, ы мы бы валалыс в этом снегу мортвыэ! В лучшэм случаэ! Какого чорта ты папёрлас в дом, когда там и слэдов-то чэлавэчэских нэ был выдно?

– Так ведь ты сказал...

– Что сказал!? Что сказал!? А у самой мазгов нэт что лы?

Люська обиженно отвернулась в сторону и тут же заорала не своим голосом: «Башня, башня!» Гоберидзе резко наклонил самолёт вправо и увидел уплывающую за них еле заметную во вновь начинающейся метели башню. «Так, теперь нужна железная дорога. А вот и она. Эщё кружок. Да, похоже, что это то, что мы искали, только с другой стороны!» Он прошёлся на брешю⁵ вдоль станции. В одном из вырытых капониров⁶ разглядел танк со звездой на борту. Только после этого решил садиться.

– Садымся, – крикнул он Люсе в переговорную трубу. – Ыз машины нэ вылазыт!

Самолёт приземлился на окраине станции. Сразу же к нему из ближайших разрушенных домов выбежали два человека в ватниках. Гоберидзе достал и передёрнул пистолет.

– Кто такие? – подбежав к самолёту крикнул один из них.

– А вы кто? – спросил Гоберидзе.

– Командир роты лейтенант Филиппов!

– Нам нужэн штаб дывызии.

– Да здесь он, – сказал Филиппов, и кивнул на разрушенные дома.

– Лудмылка, давай! – приказал Гоберидзе.

Она вновь выбралась на крыло самолёта, прыгнула вниз к встречающим их бойцам, и они побежали к домам. Там, найдя начальника спецчасти, она передала ему под расписку пакет, получила новый и побежала обратно к самолёту. А по станции уже была немецкая артиллерия. Свистели осколки, летела мёрзлая земля и комья снега, но она видела только свой маленький, но такой, как ей казалось тогда, надёжный самолётник.

Уже в воздухе Гоберидзе сказал: «Луса, то, что с намы случылась у той дэрэвны – забуд. Ныкаму ны слова, а то мы с табой пападом пад трыбунал. Залэтэлы то мы в тыл к нэмцам. А зачэм?»

– Так ничего же не было видно... – начала было оправдываться Люся.

– Ты всо понял? – оборвал её Буча. – Эта тэбэ нэ в куклы ыграть! Шлопнут нас и всо. Ны кто ы разбыратца нэ будэт.

А погода, между тем, разошлась. Светило солнышко, и видимость была «миллион на миллион», как говорили лётчики. Настроение у Люси значительно улучшилось. Задание выполнено, от страха не осталось и следа. Показался и их аэродром. Буча выключил мотор и, обернувшись, спросил: «Споём?» Они частенько, возвращаясь после выполненного задания, пели в самолёте. У Бучи был не очень сильный, но приятный баритон. А про Люськин голос

⁵ Брешющий полёт – полёт самолёта низко, над самой землёй.

⁶ Капонир – вырытое в земле укрытие для танков или самоходных установок.

и говорить было нечего. Так что обслуживающие аэродром солдаты и вольнонаёмные, которые трудились в столовой, прачечной и санитарной части, с удовольствием слушали их импровизированные концерты.

И вот в воздухе, над засыпанным снегом аэродромом и штабом полилась их любимая песня:

*##### «Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум, наводит он».*

И надо же было такому случиться, что в это время в их штабе находился командир дивизии, захвативший узнать, удалось ли передать срочный пакет командиру соседней дивизии.

– Это почему у вас патефон⁷ так орёт? – спросил он у командира батальона. – Вам что делать тут нечего? Или война закончилась?

– Да это не патефон, – улыбнувшись, ответил комбат. – Это вон с того самолёта поют. Разрешите доложить! Ваше приказание выполнено! Пакет доставлен по назначению!

– Тебе что, известие сорока на хвосте принесла? Ведь только что ты не знал этого.

– Так вот те двое, что поют, и выполняли Ваш приказ. А раз поют, значит выполнили.

Генерал посмотрел в небо на летящий самолёт и вдруг, улыбнувшись, подмигнул комбату.

– А ведь неплохо поют, черти! – сказал он. – Кто такие?

– Рядовая Макеева – бывшая студентка Гнесинки⁸, и лейтенант Гоберидзе – бывший истребитель, но после ранения списан из истребительной авиации.

– Я же тебя просил, если появятся голосистые, сообщать мне. Ты же знаешь, что нашу концертную бригаду разбомбило. А командующий фронтом мне уже дважды замечание делал, что я совсем не занимаюсь организацией отдыха бойцов... Так! Этих двоих, как сядут, – ко мне!

Он повернулся и пошёл в штаб.

– Так, товарищ генерал! – заголосил ему в спину комбат. – Я же не могу остаться без лётчика, да и курьеров у меня всего двое с допусками. А пока других оформят...

– Ничего, – поставил точку комдив, – мы тебе нашими поможем. И пилота не хуже подберём.

Вот так Людмила и Гоберидзе попали в дивизионную самодеятельность, где она и встретила со своим аккомпаниатором Колей Сверловым, играющим на баяне. Затем их перевели во фронтовую концертную бригаду.

Бригада выступала и на передовой, и в тылу. Частыми гостями они были в военных госпиталях. Конечно, молодая и красивая девушка не могла не нравиться солдатам и офицерам. За ней ухаживали и полковники, и даже один генерал, потерявший свою семью в самом начале войны. Но Люсе нравился только баянист Николай. Он ей чем-то очень напоминал её первую любовь – Валентина Штумпфа. А когда однажды во время очередных артобстрела и бомбёжки, частенько случавшихся посреди концертов, Николай прикрыл её своим телом и получил ранение, она для себя решила: «Вот он её принц!» А «принцу» было двадцать шесть лет. Он был лысый, «как девичье колено», – по его же высказыванию.

Николай был из поморов и до войны жил в Архангельской области и в городе Архангельске, где закончил лесотехническое училище по специальности бухгалтерия. Он играл практически на всех доступных ему инструментах, включая гармошки, баяны, балалайки и мандолины.

⁷ Патефон – механическое устройство для проигрывания граммофонных пластинок, переносная версия граммофона

⁸ «Гнесинка» – неофициальное название музыкального училища имени Гнесиных в Москве.

Начиная с весны 1943 года, Николай и Людмила стали жить вместе. Такое сближение не могло не закончиться беременностью. В начале 1944 года Люся была демобилизована из действующей армии, а в мае того же года родила сына, которого назвала Валентином.

Демобилизация спасла ей жизнь, так как буквально через месяц после её увольнения их концертная бригада, попав под артобстрел на передовой, почти полностью погибла. Остались живы руководитель бригады, танцор Колька-цыган, и раненые Гоберидзе и Николай Сверлов. После госпиталя Буча Гоберидзе вернулся в авиацию, а Коля попал в полковую разведку и закончил войну в Кенигсберге.

Демобилизация

Вернувшись в Москву Людмила поняла, что жить ей будет трудно. В 1939 году мама развелась с Аркадием Макеевым и вышла замуж за оперного певца Георгия Жданова, успешно выступавшего в Большом театре и находившегося в дружеских отношениях и с Леонидом Собиновым,⁹ и с Фёдором Шаляпиным¹⁰. В феврале 1941 года она родила вторую дочь – Катю.

Люся поселилась у отца. Он к тому времени сильно постарел, но даже в семьдесят один год продолжал оставаться регентом одного из церковных хоров, и это позволяло им хоть и впроголодь, но жить. Люся собирала по лестничным клеткам дома и на многочисленных помойках картофельные очистки, кожуру от апельсинов (*были и такие люди кто не отказывал себе ни в чём в эти голодные, военные годы*). Зато у новорожденного сына было вволю материнского молока. Люся даже сцеживала его в стаканы и подкармливала им папу, который в своём старческом неведении принимал его за козье.

В январе 1945 года к ним домой совершенно неожиданно пришёл брат Николая Дмитрий. Он закончил военное училище в Архангельске и ехал с военным эшелоном на фронт. Эшелон остановился в Подмосковье, на станции Реутов, и молодой офицер решил найти и проведать жену брата. С собой Дима принёс хлеб, консервы, крупу, сахар, чай и мыло. Но самое главное – он оставил Люсе свой офицерский продовольственный аттестат, который во многом облегчил жизнь и Люсе, и её папе, а, в конечном итоге, и сыну, который рос крепким и здоровым мальчиком.

И вот наступил долгожданный День Победы.

Люся, оставив сына на попечение отца, помчалась на Красную площадь. Там собралась огромная масса людей. Ликование по случаю Победы было искренним, со слезами и улыбками, объятиями и поцелуями совсем незнакомых друг с другом людей. Такое запоминается на всю жизнь!

#####Бессмертие

*### Горит огонь священный над могилой,
Стена Кремля.*

*### Стоит несокрушимой силой
Страна моя.*

*### От древних елей чуть голубоватых
Седая тень.*

*### Над прахом неизвестного солдата
Весенний день.*

*### О сколько их известных, неизвестных?
Могилы где?*

*### В каких степях, в каких ущельях тесных?
В какой стране?*

Откликнитесь, погибшие солдаты,

⁹ Леонид Витальевич Собинов – русский оперный певец (лирический тенор), народный артист Республики (1923г.), один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

¹⁰ Фёдор Ива́нович Шаляпин – русский оперный и камерный певец (высокий бас), народный артист Республики (1927г.), в разное время солист Большого и Мариинского театров, а также театра Метрополитен Опера в Нью-Йорке, США.

На голос мой!
Вы слышите победные раскаты?
Вставайте в строй!

От древних елей чуть голубоватых
Седая тень.
Над прахом неизвестного солдата
Весенний день.
Победу празднует моя держава
В лучах весны,
Вам, отстоявшим жизнь, навеки слава!
Бессмертны вы!#####

Советскому солдату

Давно покончено с войною,
Орудий залпы не гремят,
И над родной моей страной
Со свистом бомбы не летят.

Умолк надсадный вой сирены,
И смерть, и кровь давно ушли,
Травой, черёмухой, сиренью
Уже окопы заросли.

Но не прошли года бесследно,
И наш народ не позабыл
Всех тех, кто нам принёс Победу,
И тех, кто голову сложил.

В победном грохоте стократном
Салют над Родиной гремит,
А в честь Советского Солдата
В Берлине памятник стоит.

Стоит Солдат весь в бронзе звонкой,
Фашизма мрак собой закрыв,
Поднявши на руки ребёнка
И меч тяжёлый опустив!

Глава третья. ЧУКОТКА: БУХТА УГОЛЬНАЯ

Переезд

В сентябре 1945 года в Москву приехал демобилизованный Николай. Из всего скарба у него был вещмешок с двумя буханками хлеба, тремя банками рыбных консервов, полкило сахара и аккордеон, который, как говорил сам Николай, он «взял в плен» при штурме Кенигсберга. Работы в Москве не было, и Коля играл на аккордеоне по многочисленным пивнушкам, таким способом зарабатывая семье на жизнь.

Однажды в июле 1946 года в одном из таких питейных заведений он встретился со своим однополчанином Михаилом Алоничевым. Тот уговаривал Николая поехать вместе с ним, его семьёй и друзьями по оргнабору работать на Чукотку.

– Посуди сам, – говорил он ему, – Работы там полно. Раз! Деньги платят приличные и регулярно. Помимо окладов там есть двойной коэффициент, и каждые полгода прибавляется десять надбавок к окладу. Это два!

– Кто это тебе такое напел? – недоверчиво спрашивал Коля. – Прямо рай, а не Чукотка!

– Да никто не пел. Это всё прописано в договоре. И жильём обещают обеспечить. Чего тут-то делать? Играть по кабакам? А у тебя специальность есть. Да и Людмила со своим умением печатать там без дела сидеть не будет. Так что давай с нами!

После недолгих раздумий, а думать было о чём, так как Люся была беременна уже вторым ребёнком, они согласились с доводами Михаила, и Николай заключил договор. Только вот оформлять бронь на жильё в Москве на Николая мама Люси отказалась. Она не верила в надёжный и долгий брак Коли и Людмилы, считая, что муж бросит её на Чукотке и вернётся один в Москву на забронированную жилплощадь. А получить бронь на себя Люся не смогла, поскольку с ней, иждивенкой, да ещё и беременной, договор на работу по оргнабору заключать отказались. Они уехали на Чукотку в Бухту Угольную, где открылась угольная шахта, и был морской порт.

Аркадий Семёнович Макеев, отец Людмилы, после отъезда дочери быстро опустился и был направлен в дом престарелых, где умер в декабре 1946 года, так и не узнав, что первого декабря у него родился второй внук – Михаил.

Адаптация

В Бухте Угольной Николай устроился по специальности бухгалтером в военизированную охрану морского торгового порта (ВОХР). В эту же структуру входила и пожарная команда посёлка. В засыпном шестиквартирном бараке им выделили, как теперь бы сказали, однокомнатную квартиру. В неё входил холодный тамбур с угольником, прихожая, за ней шла кухня, из которой был вход в четырнадцатиметровую комнату. Ни воды, ни туалета в этом жильё не было. Воду набирали ведрами в двухсотлитровую бочку из уличной колонки летом, и забивали снегом зимой. Туалет был с выгребной ямой на улице летом в наспех сколоченном из досок сарайчике, а зимой его заменяло элементарное ведро с крышкой.

Зимой все дома посёлка заносились снегом так, что посёлок превращался в заснеженное поле. Поэтому осенью трубы печей наращивались до трёх метров, а в тамбурах подпорками укреплялись балки крыши. На удлинённых трубах вешались обозначения домов и улицы. По ним пожарники и пограничники расположенной в посёлке заставы выкапывали шурфы¹¹ к крышам тамбуров, где были сделаны люки, и люди выбирались по установленным в шурфах лестницам на улицу. Так они ходили на работу, так дети ходили в школу, а матери носили своих маленьких детей в ясли-сад.

На местные темы

*##### Куда бежишь, тропинка милая?
Куда ведёшь, куда зовёшь?
В посёлке темень окаянная,
Никак домой не попадёшь.*

*##### Придёт зима, пурга закружится,
Пути-дороги заметёт,
А в темноте не только жители,
Но даже трактор не пройдёт!*

*##### Мы в темноте по снегу тащимся,
Нет ни дороги, ни пути...
Ох, ты печаль моя безмерная,
К кому же с жалобой идти?!*

Здесь Люся впервые узнала и увидела, что такое Чукотские пурги. Иногда приходилось целую неделю сидеть дома – под толстым слоем снега, полностью заносившим их бараки. Пока наверху свирепствовали сильнейшие ветра со снегом, дома никто не откапывал. В эти дни она занималась с детьми, рассказывала им сказки, которых знала множество наизусть, учила старшего сына грамоте, разучивала и пела с ребятами песни.

*#####
Чай*

*##### Сейчас чайку с тобой заварим
И отогреемся чуток.*

¹¹ Шурф в археологии или почвоведении представляет собой вертикальную или наклонную выработку в грунте, раскоп. В данном случае – в снегу.

*##### Сейчас мы душеньку попарим,
Эх, ну и славный же чаёк!*

*##### Мороз не так, чтобы уж очень
Что на Чукотке за зима?!
Ну, ты, дружок, смотри, как хочешь,
А выпить чаю я должна.*

*##### Ветрище властвует всецело,
Ну, хоть утих бы на часок.
Он душу леденит и тело,
А на подмогу нам – чаёк!*

*##### Но есть такие... я не буду,
Да что о них и говорить...
Они твердят везде и всюду?
«Спирт на Чукотке надо пить».*

*##### Боль в голове на утро злая,
А глотка пламенем горит,
Я присягнуть могу, что с чая,
Уж голова не заболит.*

*##### С вареньем чай, как дома летом,
Да здравствует горячий чай!
А если градусов в нём нету,
То за окном – хоть отбавляй!*

Николай целыми днями пропадал на работе, а иногда во время пурги не появлялся дома по несколько суток. Для руководства ВОХРа в помещении пожарной части была выделена комната, в которой стояло четыре кровати, где они и «пурговали».

Люся и Николай принимали самое активное участие в художественной самодеятельности посёлка. Более того, их концертная бригада часто выезжала с концертами в ближайшее село Алькатваам, посёлок Нагорный, где была угольная шахта, и откуда в морской порт по узкоколейной железной дороге в трёх вагончиках возил уголь маленький паровозик «Кукушка». Местные артисты были частыми гостями и в войсковых частях, и на погранзаставах, расположенных в их районе.

В общем-то, их семья устроилась относительно неплохо. Вот только с питанием были определённые проблемы. В посёлке все завозные овощи были сухими: и картошка, и лук, и морковь, и свекла. Летом и осенью морским транспортом в посёлок завозилась мука, сахар и консервы, но, как правило, в недостаточном количестве, а посему продукты выдавались жителям по талонам. Поэтому приходилось экономить буквально на всём, чтобы дожить до новой навигации. А её приходилось ждать по 7—8 долгих месяцев, так как бухта замерзала уже в ноябре, а вскрывалась в конце мая – начале июня.

Последний гудок

*##### Вот первый, второй и третий гудок...
Причал покидает «Владивосток».*

*#### Прощальный гудок над бухтой плывёт,
Уходит последний от нас пароход.*

*#### Он нас оставляет на долгие дни
В плену у суровой чукотской зимы,
И с палубы кто-то махнул нам рукой,
И кто-то не справился с горькой слезой.*

*#### Суровые сопки молчанье хранят,
А в бухте огни, отражаясь, дрожат...
«Прощайте! Прощайте! – гудит пароход. —
Мы встретимся с вами на будущий год!»*

В посёлке руководство морского порта организовало своё подсобное хозяйство, где были коровы, а значит, и молоко для детского сада и яслей. Там же выращивался турнепс, который мальчишки посёлка постоянно воровали, регулярно получая от бдительных охранников небольшие заряды соли в место чуть пониже спины. На прибрежных песочных дюнах рос дикий лук и щавель, которые тоже шли в дело.

Некоторые любители сельского хозяйства умудрялись выращивать около своих домов в открытом грунте редиску, укроп и петрушку, но полноценно пользоваться всем этим богатством им регулярно мешали набеги вездесущих мальчишек.

Вещунья

Родившийся уже в посёлке младший сын и названный в честь своего деда по отцу Мишей, был крепким и горластым ребёнком, но на третьем месяце стал чахнуть на глазах. В те далёкие послевоенные годы молодым мамочкам разрешалось сидеть дома со своим новорожденным ребёнком только сорок пять дней. Потом необходимо было выходить на работу, а ребёнка на весь день отдавали в ясли. Там постоянно свирепствовала дизентерия и простудные заболевания, а больные и здоровые дети все вместе находились в тесных помещениях ясли-сада.

Родители работали. Все вставали по первому гудку паровозного депо, по второму – выходили из дома, унося своих малышей в детский сад, а старших отправляя в школу-интернат. По третьему гудку все должны были находиться на своих рабочих местах. И не дай Бог опоздать! За это работник строго наказывался.

Через полтора месяца посещения яслей Миша стал поносить, отказался от материнской груди, а прикорм вылетал из него, не перевариваясь в желудке. Он худел, слабел, и от слабости перестал даже кричать. Таких ребятишек в саду было несколько. Практически каждый день кто-то из них умирал, а врачи были бессильны.

Люся работала в морском торговом порту. Вот и в это зимнее утро она, отнеся Мишу в ясли, находилась на своём рабочем месте. Мысли о сыне не выходили у неё из головы. Она пыталась придумать, как и чем можно спасти своего маленького человечка. Но переживания о нём вызывали только слёзы.

В определённое время она сбегала в ясли и попыталась накормить сына, но тот даже не взял в рот её грудь. Она вернулась на работу, но всё валилось из рук. Ближе к концу рабочего дня из яслей, после кормления своей девочки, вернулась её подруга Катя Варламова. Они вместе пели в художественной самодеятельности посёлка и таким образом проводили вместе всё своё свободное время. Она как-то странно смотрела на Людмилу, тяжело вздыхала и тихо плакала.

– Что случилось? – не выдержав, спросила подругу Люся. Та только махнула рукой и вышла из комнаты. Минут через десять туда зашёл их начальник.

– Вот что, Людмила. Давай-ка собирайся ты домой. Вы с Катериной свой план уже выполнили, и больше нечего тут делать. – Он как-то странно шмыгнул носом.

– Савельевич, что происходит? – с тревогой спросила Люся.

– Тут такое дело... Вроде бы твой сынок в яслях скончался, – он начал покашливать. – Ты того, беги туда.

У Люси остановилось сердце. Она не могла ни двигаться, ни дышать. Всё завертелось перед её глазами, и она упала на пол.

– Ну что ты, что ты, девонька, давай приходи в себя, – услышала она причитания Савельевича над собой, а затем его сердитый крик в сторону, – Катерина! Что ты, клушка, еле тащишься с водой?

Люся открыла глаза.

– Вот и умница, – увидев это, сказал Савельевич. – На-ка, попей водички, – и он протянул ей кружку с водой, которую принесла Катя.

– Я сейчас, сейчас, – сказала Люся, поднимаясь с пола. Оттолкнув руку мужчины, она, шатаясь, подошла к вешалке, сняла с неё тёплый шарф, пальто и, не надевая их, выбежала на улицу. Мела метель, но она, ничего не видя вокруг, плача бежала к ясли-саду. Ворвавшись туда, Люся столкнулась со старшей воспитательницей.

– Ты чего такая растрёпанная? – удивлённо спросила та.

– Что с Мишей? – задыхаясь, спросила Людмила.

– Да ничего, – ответила воспитатель. – Только он у тебя не жилец. Сегодня Костик помер, а завтра, видимо, время твоему. – И увидев, как Людмила присела на маленькую, детскую табуретку, добавила, – Ничего. Ты молодая, здоровая деваха. Родишь ещё не одного сына, а то и дочь вместе с ним.

– Дайте мне сына, – попросила её Люся.

Та вышла и через несколько минут принесла запеленованного в одеяло ребёнка. Людмила откинула уголок одеяла с пелёнкой и увидела синюшного цвета лицо своего сына. Глазки были закрыты, и он прерывисто тяжело дышал. Она прижалась губами к его головке. Это был огонёк. У ребёнка была большая температура. Заплакав и прикрыв его голову, Люся вышла на улицу. На её руках умирал маленький, беззащитный сынок, и она ничегошеньки не могла для него сделать. Слезы застилали глаза, и она в полуобморочном состоянии шла, сама не ведая куда.

– Это что ещё за слёзы? – неожиданно услышала Люся. Перед ней в пурге стояла незнакомая женщина и смотрела на неё.

– Что это там у тебя на руках?

– Это мой сын, – тихо сказала Людмила, – и он умирает. Сказали, что не доживёт до завтра, – и она снова заплакала.

– Ты эту сырость брось, – сказала женщина. – А ну-ка, покажи мне красавца. Люся открыла уголок одеяла. Женщина подошла с правой стороны и вдруг откинула его совсем, посмотрела на Мишу.

– И где ты видишь умирающего мальчонку? Да он у тебя богатырь! Если хорошо постарается, то сто лет проживёт. Иди корми его. Он у тебя голодный, как волк.

– Да не ест он ничего, – ответила Люся, прикрывая личико сына от снега и ветра. Она оторвала от него глаза. Рядом никого не было. «Что за чертовщина? Куда женщина девалась? Я что, сама с собой начала разговаривать? Надо скорее домой», – подумала она.

Дома она распеленала сына и попробовала дать ему грудь. Неожиданно он вцепился в неё своими беззубыми дёснами и стал сосать, сосать, сосать, заклёбываясь материнским молоком. А Люся уже ревела в голос, понимая, что сын будет жить. А тот всё сосал и сосал. Высосав одну грудь, он принялся за вторую, а потом заснул и во сне стал улыбаться. Его маленькое личико порозовело, сон был ровным и глубоким. Поцеловав его, она отметила, что температуры нет. Люся положила сына в кроватку и укрыла одеяльцем. «Что произошло? Почему так резко изменилось состояние сына?» – голова разрывалась от разных мыслей. И вдруг она словно бы увидела ТУ женщину. Только теперь Людмила обратила внимание на то, что ОНА была как-то странно одета, не по-зимнему: на голове у неё был лёгкий, а не тёплый платок. И глаза... Да глаза! Они были тёмные и какие-то глубокие, и из них как будто шёл свет. «Господи! – подумала Люся и перекрестилась, чего не делала с конца войны. – Неужели это ты помог, послав матушку-заступницу?» И она начала молиться, вспоминая давно забытые слова:

«Отче наш, суций на небесах!

Да святится имя Твое;

Да придет Царствие Твое;

Да будет воля Твоя и на земле, как и на небе;

Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

И прости нам долги наши,

как и мы прощаем должникам нашим;

И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.